

© А.И. ПАВЛОВСКИЙ

tiranosawr@yandex.ru

УДК 165.21

**СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ В РАМКАХ ФЕНОМЕНАЛИСТИЧЕСКОГО
ПОДХОДА: БЫТИЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА
В СИСТЕМЕ СИМВОЛИЧЕСКИХ ФОРМ***

АННОТАЦИЯ. Феноменализм принципиально отказывается от познания вещи-в-себе, ограничивая себя только познанием представления, в рамках которого можно выделить форму и содержание. Форма предшествует содержанию, ее простейшие основания (кантовские априорные формы) являются врожденными, но на базе этих простейших оснований строятся символические формы, определяющие смыслы в представлении. Символические формы не являются врожденными, они детерминированы культурой. Каждый символ представления имеет перцептивное и аффективное значения. Система перцептивных значений представляет собой объект, а система аффективных значений — субъект представления. Символ взятый с его аффективным значением является ценностью, а потому субъект, состоящий из таких символов, можно назвать «аксиологическим». Аксиологический субъект придает исходной жизненной активности человека направленность, расчленяя представление по принципу фигуры и фона, задавая, соответственно, цели деятельности. В структуре аксиологического субъекта можно выделить три уровня: ценности-характерные черты, конструирующие представление; конкретные ценности, выделяемые в этом представлении; ценности-концепты, рационально формулируемые в процессе осмысления опыта субъекта.

SUMMARY. Phenomenalism radically rejects the idea of thing-in-itself cognition, practicing only perception of presentation, within which it is possible to distinguish the form and content. The form precedes the content; its simplest foundations (Kant a priori forms) are inherent, however, on the basis of these simplest foundations symbolic forms are built, which define meanings in presentation. Symbolic forms are not inherent, they are determined by culture. Each presentation symbol has perceptual and affective meanings. The system of perceptive meanings represents an object, whereas the system of affective meanings is a presentation subject. The symbol, taken with its affective meaning, represents a value, hence the subject, consisting of such symbols, may be titled as "axiological". An axiological subject gives the initial human vitality a certain direction, decomposing the presentation according to the principle of the figure and background, establishing the goals of activity, accordingly. Three levels of the axiological subject structure may be distinguished, namely: values — specific characteristics, constructing the presentation; particular values, identified in this presentation; values-concepts, rationally defined in the course of understanding the subject's experience.

* Исследование выполнено при поддержке средств государственного задания Минобрнауки 2013г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Аксиологический субъект, аффективные значения символов, символические формы, феноменалистическая онтология, ценности.

KEY WORDS. Axiological subject, symbol affective meanings, symbolic forms, phenomenalist ontology, values.

Феноменалистическая онтология базируется на двух исходных основаниях.

1. Все, что существует, в какой бы форме это не было, является бытием. В этом смысле, к бытию относятся не только предметы и объективные феномены нашей жизни, но и содержание каждого конкретного индивидуального сознания.
2. Вещь-в-себе непознаваема, а следовательно, об объективной реальности вне нашего восприятия можно говорить только апофатически, а значит, единственным возможным предметом онтологии является реальность нашего представления, в которой можно выделить два неразрывно связанных аспекта: форму и содержание.

Форму представления невозможно вывести из его содержания, так как перцептивные данные (ощущения) чрезвычайно разнообразны и нуждаются в упорядочивании (ассоциации идей, о которой говорил Д. Юм). Во-первых, потому что мы связываем не только однородные ощущения, но и весьма разнородные, которые мыслим как полученные по разным каналам. Во-вторых, исследование нашего восприятия показывает, что в его рамках общее предшествует частному, то есть мы не строим целостное на перцептивных данных, а сами перцептивные данные воспринимаем на основании уже схваченного целого.

Р. Арнхейм, развивая теорию гештальт-психологии, приводит убедительные примеры того, как в визуальном восприятии увиденная нами картинка зависит от сопутствующих обстоятельств, которые предшествуют смотрению [1; 56-75]. В частности, он отмечает, что человек стремится воспринять увиденное при помощи наиболее простой организации увиденного, но если так, то эта организованность привносится в увиденное, причем — в самом процессе смотрения.

При восприятии текста слог предшествует фонеме (Ф. де Соссюр) [2; 65], слово букве — тут можно вспомнить любопытный факт, активно цитируемый в интернете: «По результатам исследования одонго английского университета, не имеет значения, в каком порядке расположены буквы в слове. Галвоне, чтобы преодолеть и сплести буквы были на месте. Осательные буквы могут сидеть в полном беспорядке, все равно текст читается без проблем. Психологи этого являются то, что мы не читаем каждую букву по отдельности, а все слово кликаем» [3] (самое любопытно, что при повторном прочтении, читать становится труднее).

Кроме того, в процессе чтения мы автоматически выбираем правильный смысл каждого слова, в то время как сами по себе эти слова имеют много смыслов, это означает, что мы и предложение не читаем по словам, а встраиваем его в уже схваченный контекст, что убедительно показали Э. Кассирер [4; 113] и А.-Ж. Греймас [5; 65-76] (посредством понятия о контекстуальных семах).

Поэтому мы не можем не согласиться с утверждением Э. Кассирера: «Восприятие дано нам как неразличное целое, как целостное переживание, которое, конечно, каким-то образом дифференцировано, однако это расчленение никак не содержит в себе обособленных чувственных элементов» [4, 31]. Элементы выделяются субъектом, он привносит в это неразличное целое

структуру, придавая ему, таким образом, форму. Но если это так, то структура должна каким-то образом присутствовать в субъекте еще до возникновения восприятия.

Фундаментальная основа возможности познания была исследована И. Кантом, который утверждал в ее качестве системы врожденных априорных форм [6; 48-49], представляющих, по сути, врожденные способности человека по дифференциации целостного восприятия. В качестве подтверждения врожденного характера некоторых из них можно привести тот факт, что они присутствуют не только у человека, но и высших животных, которые, в частности, способны дифференцировать ощущения в пространстве и времени, различать количество, отличать факт наличия предмета от факта его отсутствия (хотя и не могут выразить это в символической форме).

Э. Кассирер подробно рассматривает поведение людей с определенными психическими заболеваниями, которые возникают вследствие частичного искажения функционирования кантовских априорных форм, чем порождаются определенные нарушения их жизнедеятельности, что тоже может служить иллюстрацией приведенного факта [4; 161-210].

Но этих врожденных априорных форм, которые обеспечивают возможность опыта как такового, недостаточно для того, чтобы существовал специфически человеческий, осмысленный опыт, формы эти обеспечивают восприятие только наличной данности опыта, но не познание его смысла, который лежит «за» этой непосредственной данностью.

Эта смысловая сторона реальности существует в нашем представлении посредством совокупности символических форм, которые в процессе развития человеческого индивида надстраиваются над кантовскими априорными формами и задают представлению глубину. Сами кантовские априорные формы включаются в общую символическую систему человеческого представления, приобретая в ней специфику своего проявления, иными словами, сам факт дифференциации ощущений в пространстве является врожденным, но совокупность символических форм задает конкретику проявления этого факта (здесь можно вспомнить концепцию О. Шпенглера о различии восприятий пространства и времени в разных культурах) [7; 188-196].

Символические формы не являются врожденными, и в то же время они не выводятся непосредственно из содержания опыта, источником их формирования является смежный человеческий опыт, воспринимаемый посредством подражания. Речь здесь идет об актах копирования целенаправленных событий, то есть событий, которые создаются волей других людей. Это копирование непосредственно сопряжено с опытом воспроизводства внутренних условий того или иного целенаправленного события, с расшифровкой смысловой структуры, проявляющейся в нем. В результате во внутреннем мире человека скапливаются осмысленные фрагменты реальности, которые за счет способности человека к самоорганизации своего внутреннего мира, которую И. Кант назвал «единством апперцепции», соединяются вместе [6; 100]. Но как происходит такое соединение?

Ранее уже говорилось о том, что «схватывание» целого предшествует выделению в нем отдельных элементов, то есть это целое представлено не совокупностью элементов, а совокупностью параметров, задающих организацию этих элементов. Мы назовем эти параметры — характерные черты представления.

Если речь идет о визуальном восприятии, то в качестве таких характерных черт выступают определенные оси или фигуры, которыми упорядочиваются элементы, играющие в данном случае конструктивную роль (выше уже говорилось о том, что они подбираются так, чтобы упорядочить эти элементы наиболее простым образом). Если речь идет о смысловом уровне реальности («за» непосредственной данностью), то в качестве характерных черт выступают некоторые принципиальные установки, которые задают базовые смысловые соотношения между элементами, формируя смысловые измерения реальности.

Любое осмысленное событие, а целенаправленность всегда подразумевает наличие смысла (хотя не всегда это смысл осознаваем), проявляющейся в определенной логике поведения, воспроизводит эту логику во внутреннем мире подражающего, а так как всякое восприятие основывается на «схватывании» характерных черт, то сходство этих характерных черт у различных скопированных образцов поведения позволяет соединить их во внутреннем мире человека. Именно соединение этих образцов воедино дает человеку со временем целостную картину мира, в которой непосредственно данный уровень представления не отделим от его смыслового уровня, настолько сильно, что начинает влиять на само непосредственное восприятие, задавая его рамки.

Это связано с еще одним важным обстоятельством, с тем, что каждый элемент представления имеет не только перцептивное значение (выступает символом с этим значением), но и значение аффективное, неся в себе определенное отношение субъекта к данному элементу. Это отмечали Э. Кассирер («...объективные восприятия и созерцания здесь невозможно строго отделить от субъективных чувств и аффектов... Классы имен изначально точно так же являются классами ценностей, как и классами вещей...» [8; 281]), Э. Гуссерль («...я нахожу вещи снабженными как свойствами вещей, так и ценностными характеристиками... Такие ценностные и практические характеристики тоже конституитивно принадлежат «наличным объектам» как таковым...» [9; 91-92]) и К. Коффка («...примитивные феномены не разделяются на воспринимаемые (перцептивные) и чувствуемые (аффективные) элементы... примитивный мир несет в себе аффективные черты, которые мы здесь можем рассматривать как «объективные»» [10; 467]).

Таким образом, целостное представление подразумевает две системы значений: перцептивную и аффективную, и если перцептивная система представляет собой объект представления, то аффективная — ее субъект.

Это требование обусловлено одним важным обстоятельством. Так как представление включает в себя все, что только может быть познано, и сам субъект должен каким-то образом существовать внутри представления, быть феноменально онтологически представленным, а быть представленным внутри представления он может только посредством своей специфики. Но что специфичного в представлении? Это не перцептивные значения, хотя они и различаются у разных людей, все же весь внешний опыт воспринимается нами как повторяемый и организованный. Причем повторяемый разными субъектами, но если так, то его специфика объясняется влиянием на организацию перцептивного содержания формы и аффективного содержания.

Форма, безусловно, может быть специфичной, но ее специфика ограничена необходимостью коммуникации между индивидами, ибо люди могут понять

друг друга лишь в той мере, в какой они могут взаимодействовать по одним и тем же правилам, а это возможно только при сходных формах организации их опыта. Поэтому основная субъективная специфика задается именно аффективным содержанием. Мало того, мы можем утверждать, что именно система аффективных значений является источником нашей воли.

Безусловно, можно искать «за» нашей волей некую универсальную активность, которая и обеспечивает онтологически само существование нашей воли (что-то вроде «жизненного порыва» А. Бергсона). Проблема в том, что она будет не нашей волей, будет безлична, а «нашей» она становится тогда, когда приобретает направленность на те или иные цели. Но направленность на цели обусловлена аффективной дифференциацией реальности, выделения в ней того, что вызывает позитивные переживания, и того, что вызывает переживания негативные.

Механизм этой дифференциации можно показать, основываясь на известном принципе фигуры и фона, сформулированном гештальт-психологией. Так как в представлении общее предшествует частному, то максимально общее, мир-в-его-целостности, предшествует любому частному представлению, а так как он никогда не может быть дан целиком в рамках любого частного представления, то он дан в нем опосредовано, совокупностью характерных черт мира-в-его-целостности. Эти характерные черты и задают смысловое пространство (контекст), внутри которого рассматривается любое частное восприятие. Характерные черты сами по себе тоже обладают аффективными значениями. Это следует, во-первых, из того, что они тоже присутствуют в представлении, а все, присутствующее в представлении, имеет аффективное значение, а во-вторых, из того, что они являются тем общим, что присутствует в любом представлении, и соответственно только они могут обеспечить универсальность оценки внутри разных представлений.

Таким образом, любое представление существует в контексте, задаваемом характерными чертами, и оценивается на основании его соответствия их аффективным значениям. Мир-в-его-целостности выступает универсальным фоном представления, а само представление в процессе его вписывания в контекст, задаваемый характерными чертами, расщепляется на фон и фигуры, которыми становятся объекты и комплексы объектов, которые не удастся вписать в контекст. При этом фон внутри представления соотносится с универсальным фоном и имеет одно общее значение, а фигуры обретают положительное или отрицательное значение по контрасту с фоном.

Именно эти положительные и отрицательные фигуры на фоне представления фокусируют нашу волю, направляя ее на изменение представляемого. Таким образом, цели детерминируются системой аффективных значений, а так как символы, взятые с их аффективными значениями, мы называем ценностями, то можно сказать, что цели детерминируются системой ценностей, направляющих нашу жизненную активность, то есть порождающих человеческую волю. Именно эту систему (базовую матрицу, базовую программу воли) мы и считаем субъектом, то есть речь идет об аксиологическом субъекте, который бытийствует в виде системы ценностей.

Аксиологический субъект имеет сложную внутреннюю структуру. Можно выделить три основных типа ценностей, которые входят в его состав. К перво-

му условию относятся базовые ценности (общие характерные черты представления), которые не только задают организованность целого, определяя место в нем каждого элемента представления, но и задают его аффективное значение. На втором уровне ценностей аксиологического субъекта расположены конкретные ценности, в качестве которых здесь выступают объекты и события, непосредственно принимающие те или иные аффективные значения в ситуациях, что показывает нам, что структура этого уровня не является незыблемой, в отличие от базового уровня, она постоянно трансформируется под воздействием перцептивного опыта, то есть под влиянием тех связей, которые в нем возникают.

Понятно, что в различных ситуациях разные элементы соотносятся различным образом, потому что каждая ситуация имеет собственную внутреннюю логику. Ценность воды для умирающего от жажды в пустыне будет совершенно иной, нежели для жителя города, потому что объективная логика ситуации умирающего от жажды делает воду необходимым условием, причем необходимым здесь и сейчас, а потому ценность собственной жизни проецируется на ценность воды. Во второй ситуации такой обусловленности нет, и ценность воды невысока.

Первый уровень аксиологического субъекта задает нам его постоянство несмотря на ситуации (единство субъекта), в то время как на втором уровне происходит приспособление субъекта к постоянно меняющимся условиям его существования; если ограничиться его рассмотрением, то может показаться, что субъект носит текучий характер и отражает все ситуации, в которых оказывается.

На третьем уровне расположены ценности-концепты, которые возникают в результате рационального осмысления человеком самого себя, рационализации своей аксиологической структуры. Результатом такой рационализации выступают общие понятия и характеристики (предметов или отношений между предметами). Становясь по мере своего возникновения тоже частями представления, концепты приобретают аффективное значение, которое способно оказывать обратное влияние на конкретные ценности.

Проблема в том, что человек в процессе подобной рационализации отталкивается, как правило, не от незыблемых базовых ценностей, а от конкретных ценностей, которые ситуативны, а потому данное обобщение и абстрагирование усредняет ценностный опыт человека, отталкиваясь от опыта наиболее распространенных ситуаций, то есть от наиболее стереотипного опыта. Поэтому результатом рационализации становится не понимание себя, а создание ложного самосознания, отталкиваясь от которого человек в будущем будет совершать насилие над своим внутренним миром.

Кроме того, рационализация ценностного опыта зачастую совершается не «изнутри», а «извне», не выработкой собственных концепций, а усвоением концепций, существующих в культуре, которые не обязательно подходят к его внутреннему миру. Особенно в условиях фундаментального разрыва между существующей в обществе практикой и представлениями о должном, а разрыв такой часто возникает в условиях быстрого развития культуры (об этом довольно обстоятельно писал К. Клакхон [11; 54]), когда формирование общекультурных концептов отстает от развития практического опыта.

Трехуровневая модель аксиологического субъекта, выступающего в качестве источника направленной человеческой воли, основанной на дифференциации целостного представления на отдельные фигуры в фоне, может выступить методологической основой для исследования целого спектра разнородных проблем, связанных с культурой (символической средой, создаваемой «сходными» аксиологическими субъектами), феноменом коммуникации (которая возможна лишь в той мере, в какой аксиологические субъекты, а значит и их субъективные миры, «проницаемы» друг для друга), социума (так как любые социальные институты существуют только в той мере, в какой в них «верят» включенные в них субъекты) и т.д. Иными словами, речь всегда идет о сходности и не сходности субъективных миров аксиологических субъектов, которые всегда являются отражением их внутренней структуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс, 1974. 392 с.
2. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
3. URL: <http://www.rom.by/comment/53394>
4. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. III: Феноменология познания. М.: Академический проект, 2011. 398 с.
5. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода. М.: Академический Проект, 2004. 368 с.
6. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
7. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993. 592 с.
8. Кассирер Э. Сущность и действие символического понятия // Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 271-434.
9. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.
10. Коффка К. Основы психического развития // Основные направления психологии в классических трудах. Гештальт-психология. В. Келер. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. К. Коффка. Основы психического развития. М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. С. 348-657.
11. Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. С-Пб.: Евразия, 1998. 352 с.

REFERENCES

1. Arnheim, R. *Iskusstvo i vizual'noe vosprijatie* [Art and Visual Perception]. Moscow, 1974. 392 p. (in Russian).
2. Saussure, F. de. *Kurs obshhej lingvistikiki* [Course in General Linguistics]. Moscow, 2004. 256 p. (in Russian).
3. URL: <http://www.rom.by/comment/53394>
4. Cassirer, E. *Filosofija simvolicheskikh form. T. III: Fenomenologija poznaniija* [Philosophy of symbolic forms. V. III: Perception Phenomenology]. Moscow, 2011. 398 p. (in Russian).
5. Greimas, A. J. *Strukturnaja semantika: Poisk metoda* [Structural Semantics: An Attempt at a Method]. Moscow, 2004. 368 p. (in Russian).
6. Kant, I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Moscow, 1994. 591 p. (in Russian).
7. Spengler, O. *Zakat Evropy* [The Decline of the West]. Novosibirsk, 1993. 592 p. (in Russian).

8. Cassirer, E. Substance and Function of Symbolic Notion // Cassirer, E. *Izbrannoe: Individ i kosmos* [Selection: The Individual and the Cosmos]. Moscow; St-Petersburg, 2000. Pp. 271-434. (in Russian).

9. Husserl, E. *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoj filosofii. Kniga pervaja* [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. First Book]. Moscow, 2009. 489 p. (in Russian).

10. Koffka, K. Fundamentals of Mental Development // *Osnovnye napravlenija psihologii v klassicheskix trudax. Gestal't-psihologija. V. Keler. Issledovanie intellekta chelovekopodobnyx obez'jan. K. Koffka. Osnovy psihicheskogo razvitija* [Basis trends of psychology in classical works. Gestalt Psychology. W. Köhler. The mentality of apes. K. Koffka. Fundamentals of Mental Development]. Moscow, 1998. Pp. 348-657. (in Russian).

11. Kluckhohn, C. *Zerkalo dlja cheloveka. Vvedenie v antropologiju* [Mirror for Man. Introduction to Anthropology]. St-Petersburg, 1998. 352 p. (in Russian).